

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

**ПОЭТЫ
ПУШКИНСКОЙ
ПОРЫ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Сборник

Поэты пушкинской поры

Издательство «Детская литература»

2014

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Сборник

Поэты пушкинской поры / Сборник — Издательство «Детская литература», 2014 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005257-6

В книге представлены избранные стихотворения шестнадцати поэтов – современников и друзей А. С. Пушкина: В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Д. В. Давыдова, Ф. Н. Глинки, П. А. Катенина, В. Ф. Раевского, К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера, А. И. Одоевского, П. А. Вяземского, А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова, И. И. Козлова, Д. В. Веневитинова. Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-08-005257-6

© Сборник, 2014
© Издательство «Детская литература», 2014

Содержание

Н. Якушин	6
Поэты пушкинской поры	13
В. А. Жуковский	13
Сельское кладбище	15
Дружба	19
Вечер	19
Песня	22
Желание	23
Певец	24
Светлана	25
Теон и Эсхин	31
Песня	34
Песня	35
Мщение	36
«Там небеса и воды ясны!..»	36
Мина	37
Листок	38
Лесной царь	38
Песня	39
К мимопролетевшему знакомому Гению	40
К портрету Гёте	41
Невыразимое	41
Воспоминание	42
Море	42
9 марта 1823	43
Ночь	43
«Я Музу юную, бывало...»	44
Перчатка	45
Суд Божий над епископом	46
Ночной смотр	48
Царскосельский лебедь	50
К. Н. Батюшков	52
Выздоровление	54
Воспоминание	54
Веселый час	55
Элизий	57
Дружество	58
Мои пенаты	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Н. Якушин, составитель

Поэты пушкинской поры

© Якушин Н. И., составление, вступительная статья, биографические очерки и комментарии, 1999

© Панов В. П., наследники, иллюстрации, 1999

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2014

* * *

Н. Якушин

Золотой Век русской поэзии

Наверное, никогда, как в первые три десятилетия XIX столетия, в отечественной литературе не появлялось одновременно такого блестящего созвездия первоклассных поэтов, обогативших нашу словесность высокохудожественными произведениями. И в этом созвездии звездой первой величины сияет имя Александра Сергеевича Пушкина, озарившего своим светом целую эпоху русской истории и культуры. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, – писал Н. В. Гоголь. – ... В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Пушкин явился родоначальником новой русской литературы, основателем современного русского языка. Его поэзия оказала самое благотворное влияние на всю нашу литературу, и в первую очередь – на творчество своих современников. Недаром тот же Гоголь отмечал, что Пушкин «был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечи, зажглись другие самоцветные поэты. Вокруг него образовалось их целое созвездие». Эти слова дали основание заговорить о «поэтах пушкинской плеяды», «пушкинского круга» и т. п. Причем в этот круг включались такие очень разные по своему духу и направлению поэты, как П. Вяземский, П. Катенин, К. Рылеев, В. Кюхельбекер, А. Дельвиг, Е. Баратынский, Н. Языков и др. Конечно же Пушкин был для многих из них непререкаемым авторитетом. Об этом неоднократно говорили многие его друзья и единомышленники. «Никто из писателей русских не поворачивал сердца нашими, как ты», – говорил поэту один из ближайших его друзей Дельвиг. А Вяземский писал Пушкину: «Возведи русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один, а наше дело – признательность и удивление».

И все-таки несправедливо было бы считать современных Пушкину поэтов только его последователями.

Среди них было немало таких, кто обладал собственной неповторимой творческой индивидуальностью и внес свой вклад в сокровищницу русской поэзии. И прав был Катенин, утверждавший, что «мы все современники, сотрудники, волей или неволей соперники». Поэтому, чтобы получить наиболее полное представление о всей сложности и многообразии развития русской поэзии первых десятилетий XIX века, следует говорить не о «пушкинском созвездии», «пушкинской плеяде», а о поэзии пушкинской эпохи, пушкинского времени, поскольку это дает возможность рассмотреть не только творчество поэтов, входивших в круг сподвижников Пушкина и разделявших его взгляды и убеждения, но и тех, кто, в свою очередь, оказал влияние на становление и формирование творческой индивидуальности великого поэта.

Определить круг поэтов пушкинской поры – дело достаточно сложное, так как в то время со своими стихами выступали очень многие поэты. По подсчету некоторых исследователей, их насчитывалось свыше двухсот, а иные говорят, что речь может идти даже и о тысяче. Были среди них люди разного дарования и поэтической активности, по-разному складывались их взаимоотношения друг с другом, да и вклад каждого из них в русскую поэзию был неравнозначен.

К началу XIX века русская поэзия прошла уже большой и сложный путь. Позади остались борьба за утверждение светского характера литературы и силлабо-тонического стихосложения. Достоянием прошлого становились творческая практика классицистов и сентименталистов, хотя многие из них (например, Г. Державин, И. Дмитриев и др.) продолжали выступать со своими произведениями. И самое главное – в поэзии определились основные тематические линии: гражданская, философская и интимная. Особую значимость в поэзии начала века приобрело гражданское направление, связанное с борьбой за права и свободу человеческой личности в условиях самодержавного строя. Поэты стали обращаться к устному народному творчеству, стремясь найти в нем отражение героических черт национального характера. Их привлекали события далекого или недавнего прошлого, в которых наиболее ярко проявлялись мужество и стойкость народа. Мотивы героической гражданственности звучали в стихах поэтов-радищевцев (И. Пнин, В. Попугаев, А. Востоков), Н. Гнедича, А. Тургенева, а позднее – в произведениях поэтов-декабристов.

Однако поэзия рубежа XVIII–XIX веков оказалась неприспособленной для выражения всей сложности отношения личности к окружающему миру. Господствовавшая тогда рационалистическая система классицизма предполагала четкую жанровую разграниченность, согласно которой интимные чувства могли выражаться либо в анакреонтической лирике, либо в элегиях, песнях и дружеских посланиях. Что же касается гражданских, общественных чувств, то они находили свое отражение в высоких жанрах: одах, обличительных сатирах, трагедиях. Причем для каждого жанра определялся тот или иной стиль: для оды – высокий, торжественный, для элегии – средний, ориентированный на разговорную и книжную речь, а в баснях допускались элементы простонародного языка.

Подобная расчлененность не давала возможности выразить сложную, богатую разными оттенками внутреннюю жизнь человека, его душевные переживания и разносторонние связи с действительностью. Поэтому возникала настоятельная потребность реформирования существующей поэтической системы, препятствовавшей развитию поэзии.

Первую попытку поколебать господство нормативной эстетики классицизма предприняли сентименталисты в конце XVIII века. В своих произведениях, и прежде всего в стихах, они передавали ощущение несоответствия окружающей действительности потребностям человека и призывали следовать в своих поступках велению чувства, а не разума, прославляли культ любви и дружбы, провозглашали уход человека в мир природы. Все это не могло не привести к существенным изменениям всей жанрово-стилистической системы русской поэзии.

Столь же остро в начале XIX века встал вопрос о языке как выразителе исторического опыта народа, его сознания и мышления, его нравственных идеалов. Важным этапом на пути формирования русского литературного языка и воплощения в литературе особенностей национального характера явилось басенное творчество И. Крылова.

С начала 1810-х годов господствующим направлением в русской литературе становится романтизм, который возник у нас в несколько иных условиях, чем на Западе, и развивался на особой национально-исторической основе, в условиях общественного подъема, наступившего после победоносного окончания Отечественной войны 1812 года и возникновения первых тайных обществ декабристов.

Русский романтизм – явление сложное. В нем сосуществовали разные течения и не было единого взгляда на цель и назначение искусства. Но всех романтиков объединяло неприятие современной им действительности, повышенный интерес к внутреннему миру человека, стремление отстоять человеческое достоинство, защитить право личности на свободное развитие ее духовных сил, скованных и поработанных в современном обществе. Одновременно романтики включились в начатую просветителями еще в конце XVIII века борьбу за создание национально-самобытной русской культуры.

Романтические тенденции в изящной словесности начали проявляться уже на рубеже XVIII–XIX столетий. Однако первыми романтиками по праву считаются В. Жуковский и К. Батюшков, в творчестве которых отчетливо прозвучали мотивы разочарования и недовольства жизнью, выразилось ощущение драматичности существования человека. В их поэзии на первый план выдвинулось личностное начало, интимные чувства и переживания личности. В связи с этим В. Жуковский писал: «Стихотворец новейший всегда изображает предметы в отношении к самому себе; он не наполнен им, не предается ему совершенно; он пользуется им, дабы изобразить в нем себя, дабы читателю посредством предмета своего предложить *собственные* наблюдения, мысли и чувства».

Но это личностное отношение к окружающему миру выражалось у В. Жуковского и К. Батюшкова по-разному. Если В. Жуковский противопоставлял неустроенности существующей действительности внутреннюю независимость и богатство человеческой души, возможность найти счастье и покой внутри себя («В душе моей цветет *мой* рай»), то К. Батюшков, особенно в ранний период своего творчества, склонен был воплотить свой нравственный идеал в образе гармонично развитой личности, живущей полно и ярко.

Творчество В. Жуковского и К. Батюшкова, наряду с произведениями Г. Державина и И. Крылова, явилось высшим достижением допушкинской поэзии. Каждый из них создал свою собственную поэтическую систему. В их стихах впервые с такой глубиной раскрылось духовное богатство и нравственное достоинство человека.

Огромное влияние на исторические судьбы России и на духовное развитие русского общества оказали два великих события – Отечественная война 1812 года и революционное движение декабристов, завершившееся восстанием на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Во время Отечественной войны перед угрозой иностранного порабощения объединились все слои русского общества. По словам В. Белинского, 1812 год пробудил спящие силы России и «открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил... пробудил народное сознание и народную гордость». Однако народ, вынеся все тяготы войны и проявив величайшее мужество и героизм в борьбе против иноземных захватчиков, по-прежнему оставался в крепостнической неволе. Мысль о необходимости освободить крестьян от рабства все чаще и чаще возникала в прогрессивно настроенных кругах дворянской интеллигенции, результатом этого явилось возникновение тайных революционных обществ декабристов. Вслед за Союзом спасения и Союзом благоденствия началась деятельность Южного и Северного обществ, завершившаяся вооруженным выступлением на Сенатской площади и восстанием Черниговского полка.

В своей практической революционной деятельности декабристы очень серьезное внимание уделяли литературе, видя в ней важное средство «гражданского воспитания». Главной задачей искусства они считали служение передовым идеям века, борьбу против самодержавно-крепостнических порядков, утверждение национальной самобытности русской литературы. Они выступали против бездумного подражания чужому в ущерб своему, отечественному. Подлинное выражение национального самосознания народа, его стремление к свободной и счастливой жизни декабристы видели в устном народном творчестве и поэтому широко использовали в своих произведениях фольклорные мотивы и образы. В своей творческой практике они часто обращались к историческим событиям. В прошлом поэты-декабристы искали примеры борьбы за национальную независимость и свободу, воспевали героические характеры тираноборцев и народных вождей. Они стремились утвердить за писателем роль рупора общественного мнения, провозвестника правды, обличителя зла, насилия и невежества. Центральным образом декабристской поэзии становится образ поэта-гражданина, который предстал перед читателем как политический деятель, трибун, враг деспотизма, «певец народных благ».

Признание за литературой высокой гражданской миссии побуждало декабристов обращаться к жанрам «высокой» поэзии. Чаще всего они использовали жанры политической оды, обличительной сатиры, перекладывали в стихотворную форму библейские псалмы. Одновременно поэты-декабристы вырабатывали и свой стиль, отличительными чертами которого являлось высокое «витийство», гражданская патетика, напряженно-торжественные интонации, смысловая насыщенность поэтического языка. Они стремились говорить языком ораторов-трибунов, языком прокламаций и проповедей и поэтому широко использовали ораторские формы речи, с обилием слов-символов, вызывавших в сознании читателей определенные ассоциации. Стихи декабристов переполнены политической лексикой, и неотъемлемой их частью становятся такие понятия, как отчизна, гражданин, честь и т. п. В поэтическом стиле поэтов-декабристов достаточно ясно проступают черты классицизма. Но это не было простым заимствованием. Они переосмысливали классицистическую поэтику в революционно-политическом духе и создавали новый стиль, стиль гражданского романтизма, отличительной особенностью которого была романтическая патетика, своеобразная поэтическая терминология и фразеология.

В условиях общественного подъема и формирования идеологии дворянской революционности, под благотворным воздействием творчества Г. Державина, В. Жуковского и К. Батюшкова, мужал и креп гений Пушкина. Он завершил творческие искания своих предшественников, без чего невозможно было дальнейшее развитие словесности, создал непревзойденные образцы романтической и реалистической поэзии, обогатив ее новым содержанием, новыми темами и жанрами, эмоционально-поэтическим пафосом и психологизмом. «Что же было предметом его поэзии?» – спрашивал Н. Гоголь и отвечал: «Все стало ее предметом, и ничего в особенности. Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов... На все, что ни есть во внутреннем человеке, начиная от его высокой и великой черты до малейшего вздоха его слабости и ничтожной приметы, его смутившей, он откликнулся так же, как откликнулся на все, что ни есть в природе видимой и внешней. Все становится у него отдельной картиною: все предмет его...»

К этому можно только добавить, что Пушкин явился создателем новой целостной поэтической системы. В его поэзии личность впервые обратилась к осмыслению своей национальной сущности и своего места в народной жизни, попыталась вскрыть истоки своего самосознания, своих чувств и переживаний. Отсюда удивительная свобода, полнота и цельность чувств, диалектическая глубина познания мира.

Пушкин ратовал за «точность языка», в его произведениях исчезла расплывчатость и неопределенность слова. Он упорядочил разные стили, придал им единство, нашел соответствие слову в предмете, который оно называет, и одновременно эмоциональную реакцию на него. Слово у Пушкина стало адекватным объективному миру, в котором причудливо соединились проза и поэзия, «высокое» и «низкое». В его поэзии стилевые приметы постепенно утратили свою иерархию: поэтическое тесно переплеталось с прозаическим, «низкое» могло стать «высоким» и наоборот.

Новая поэтическая культура создавалась Пушкиным не в одиночку. Он творил в кругу талантливых и самобытных поэтов, среди которых были: проникательный и иронически-язвительный П. Вяземский, писавший сатирические стихи, эпиграммы и стихотворные фельетоны; близкий друг и соратник Пушкина А. Дельвиг, автор оригинальных идиллий на античные темы и песен, написанных в народном духе; поэт-мыслитель Е. Баратынский, создатель поразительных по психологической глубине элегий; преждевременно ушедший из жизни гениальный юноша Д. Веневитинов, душа кружка московских «любомудров» (название – калька с греческого слова «философ»); певец вольности и дружбы, виртуозно владевший стихом Н. Языков; предельно искренний И. Козлов; поэты-декабристы А. Бестужев и К. Рылеев и др. И каждый из них внес свой – больший или меньший – вклад в сокровищницу русской поэзии.

Вместе с Пушкиным они принимали живейшее участие в создании русского литературного языка, обогащали поэзию новыми художественными средствами, разрабатывали и утверждали новые роды и виды литературы, новые темы – социальные, исторические, личные, усовершенствовали русское стихосложение. Каждый из них создавал своего лирического героя со своим взглядом на мир, раздумьями о жизни, мыслями и переживаниями. У В. Жуковского – это мечтательно-печальный юноша, у молодого К. Батюшкова – жизнерадостно настроенный эпикурец, у Д. Давыдова – лихой, бесхитростный и прямодушный воин, у Ф. Глинки – пророк, обличающий пороки, у К. Рылеева – поэт-гражданин, у Н. Языкова – «мыслящий» студент, отстаивающий свои «высокие» права, и т. д.

Как и Пушкин, его собратья по перу в своей творческой практике обращались к разным жанрам. Они писали баллады, дружеские послания, сонеты, стансы, песни. Особое предпочтение отдавалось элегии, которая давала возможность наиболее полно выразить внутренний мир поэта, его размышления о жизни, и одновременно она позволяла включить в поэтический мир широкий круг исторических, философских и общественно-политических вопросов. Некоторые поэты пушкинского времени в разработке отдельных жанров достигали порой даже больших успехов, чем сам Пушкин, который, например, признавал первенствующую роль А. Дельвига в создании русского сонета:

У нас его еще не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

«Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...»)

Очень высоко ценил Пушкин и элегии, написанные Е. Баратынским.

Поэты пушкинского времени чутко откликались на насущные нужды народа и его жизненные интересы и в своих произведениях стремились передать дух и обаяние народной поэзии и тем самым способствовали развитию национального самосознания и патриотизма. Значительное место в их творческом наследии занимают народные песни, а такие из них, как «Смерть Ермака» К. Рылеева, «Голова ль, моя головушка...», «Пела, пела пташечка...», «Соловей» А. Дельвига, «Еще тройка» П. Вяземского, «Песнь узника» Ф. Глинки, «Вечерний звон» И. Козлова и др., на долгие годы сохранились в памяти народа.

В творчестве поэтов пушкинской поры отчетливо прослеживаются разные стилевые направления: субъективно-эмоциональное, психологическое, представленное В. Жуковским и И. Козловым и завершившееся философской лирикой Д. Веневитинова; неоклассицистическое, связанное с обращением к античности (Н. Гнедич, А. Дельвиг, П. Катенин); гражданское, ориентированное на просветительские идеи XVIII века (В. Раевский, К. Рылеев, А. Одоевский), и др.

В подавляющем большинстве современники Пушкина были романтиками, но некоторые из них (Д. Давыдов, П. Вяземский, Е. Баратынский) уже обращались к трезвому, реалистическому отображению действительности, хотя реалистические тенденции у каждого из них проявлялись по-разному.

Все эти стилистические направления гармонично соединялись, скрещивались в поэзии Пушкина, хотя и в произведениях поэтов пушкинской поры грань между интимной лирикой и гражданской поэзией была весьма условной. Очень часто в стихах, пронизанных гражданским пафосом, находили свое отражение глубоко личные переживания, и наоборот – в интимной лирике звучали отголоски гражданских и патриотических настроений. В связи с этим в поэзии происходили сложные процессы: менялась внутренняя структура отдельных жанров, разрушались привычные жанровые границы. Очень точно определил новаторскую сущность и своеобразие поэзии пушкинской поры известный ученый-лингвист Г. Винокур, писавший, что

деятельность Пушкина и его современников привела к тому, что «оказалась разрушенной принудительная связь жанров и языка, возникшая в XVIII веке, так как сам по себе жанр перестал быть определенным началом для языка, и эта роль перешла непосредственно к содержанию, теме, вообще – поэтическому стилю произведения».

Настало время, когда достоинство произведения перестали оценивать с точки зрения того, в какой степени в нем выдержаны определенные нормы и правила. Главное внимание теперь стали обращать на его художественные достоинства, на отражение в нем самобытной творческой индивидуальности автора. Против попыток некоторых критиков по-прежнему рассматривать поэзию в рамках того или иного направления выступил В. Катенин. В своих «Размышлениях и разборах» он писал: «С некоторого времени в обычай вошло делить поэзию на классическую и романтическую: разделение совершенно вздорное, ни на каком ясном различии не основанное. Спорят, не понимая ни себя, ни друг друга: со стороны приметно только, что на языке некоторых классик – педант без дарования, на языке других романтик – шалун без смысла и познаний... Для знатока прекрасное во всех видах и всегда прекрасно...»

Творческая индивидуальность поэтов первых трех десятилетий XIX столетия складывалась в сложных условиях. Помимо пушкинской поэзии они испытывали воздействие разных обстоятельств: социальных условий, в которых им довелось жить, общественного движения и духовных исканий того времени и, наконец, литературной борьбы, развернувшейся на страницах газет и журналов. По-разному складывались и их отношения с Пушкиным. Одни, поддерживая с ним дружеские отношения, тем не менее стремились сохранить верность своим ранее сложившимся эстетическим принципам (В. Жуковский, К. Батюшков, Д. Давыдов, П. Катенин). Другие вместе с Пушкиным приняли самое деятельное участие в создании новой поэтической культуры (А. Дельвиг, П. Вяземский, поэты-декабристы). Третьи, испытав благотворное влияние пушкинского гения, стремились найти свой собственный путь в поэзии (Е. Баратынский). При этом нельзя не заметить, что многие поэты даже из ближайшего окружения Пушкина не смогли понять и оценить новые реалистические тенденции его творчества.

В свою очередь Пушкин неоднозначно относился к поэтам своего времени. В молодости он учился у В. Жуковского, К. Батюшкова и др. Известен такой случай, когда в 1818 году Пушкин пришел к П. Катенину и, передавая ему свою трость, сказал: «Я пришел к вам как Диоген к Антисфену: побей, но выучи». На что, правда, П. Катенин ответил: «Ученого учить – портить». Литературных староверов, упрямо цеплявшихся за давно устаревшие эстетические принципы, Пушкин высмеивал в едких эпиграммах. Но к поэтам своего круга всегда относился доброжелательно и искренне радовался их успехам. Об этом свидетельствуют его высказывания о поэзии Е. Баратынского, П. Катенина, А. Дельвига. Однако порой Пушкин весьма критически отзывался о стихах даже близких и симпатичных ему людей. Так, прочитав исторические думы К. Рыльева, он написал их автору, что «все они на один покров. Составлены из общих мест... описание места действия, речь героя – нравоучение».

После трагических событий 14 декабря 1825 года круг поэтов пушкинского времени значительно поредел: К. Рылев был казнен, в царских казематах, на каторге и в ссылке оказались В. Кюхельбекер, А. Бестужев, А. Одоевский, Ф. Глинка, ушли из жизни Д. Веневитинов и А. Дельвиг. В стране установилась жестокая реакция. «Первые годы, последовавшие за 1825-м, были ужасны, – писал А. Герцен. – Понадобилось не менее десяти лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении поработанного и гонимого существа. Людями овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние».

Все это не могло не оказать сильнейшего воздействия на содержание и общую тональность русской поэзии. В ней стали обнаруживаться кризисные явления, зазвучали мотивы скорби, отчаяния, ноты разочарования и сомнений. Появилось множество поэтов-эпигонов, перепевавших Пушкина и его сподвижников, наметилась тенденция к распаду высокой поэтической культуры, сформировавшейся в 1810–1820 годах.

Однако поэзия по-прежнему оставалась оплотом и выражением всего живого, мыслящего и чувствующего в России. Продолжал творить Пушкин, чья поэзия мужала и крепла на пути к реализму и народности. Из крепостных застенков и из каторжных подземелий порой доносились трагические голоса поэтов-декабристов. Активно выступали поэты-«любомудры» и поэты кружка Н. Станкевича (В. Красов, И. Ключников и др.), стремившиеся сохранить и развивать достижения поэзии своих предшественников. Из самых глубин нации зазвучал голос А. Кольцова, песни которого открыли читающей публике неисчерпаемую силу, духовную мощь и красоту характера русского народа. И наконец, своеобразным итогом золотого века отечественной поэзии стало творчество Ф. Тютчева и М. Лермонтова, открывавшее новые пути в ее развитии.

В предлагаемом сборнике читатель получит возможность познакомиться с творчеством наиболее заметных и талантливых поэтов пушкинского времени, чья поэзия оставила заметный след в русской словесности.

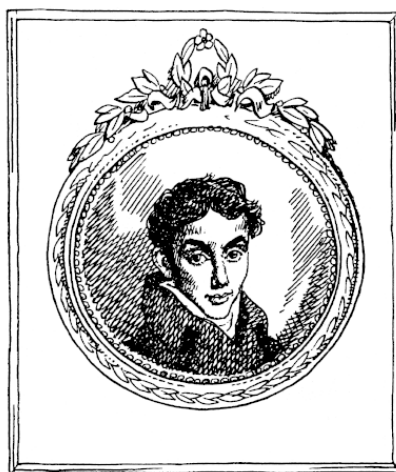
Н. Якушин

Поэты пушкинской поры

В. А. Жуковский 1783–1852

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль, —

писал Пушкин о своем учителе и наставнике Василии Андреевиче Жуковском. И действительно, его стихи и сегодня продолжают волновать и восхищать читателей глубиной раскрытия самых сокровенных тайн человеческого сердца, своей гармонией и воистину музыкальным звучанием. «Лирика чувства», созданная поэтом, оказала очень существенное влияние на всю русскую поэзию XIX века и навсегда осталась драгоценной страницей в истории отечественной литературы.

Родился Жуковский в средней полосе России, на границе Тульской и Орловской губерний, в тех местах, откуда родом были такие корифеи нашей культуры, как Л. Толстой, И. Тургенев, Н. Лесков, И. Бунин и др. Отцом его был богатый помещик А. И. Бунин, а матерью — пленная турчанка Сальха. Фамилию будущему поэту дал бедный дворянин А. Г. Жуковский, живший в доме Буниных в качестве приживала и усыновивший его по приказу барина.

Воспитывался Жуковский вместе с другими детьми А. И. Бунина, но положение незаконнорожденного навсегда оставило в его душе печальный след, рано приучило к мечтательности и душевной сосредоточенности. Обучался он сначала в частных пансионах, а затем был определен в Благородный пансион при Московском университете. Там он почувствовал и осознал свое призвание — быть поэтом.

Еще в детстве Жуковский отличался редким трудолюбием, да и в последующие годы всегда много и напряженно работал: перечитал множество книг русских и иностранных авторов, среди которых были не только художественные произведения, но и труды по философии, эстетике, теории словесности, овладел древними и основными европейскими языками.

Стихи Жуковский начал писать очень рано, но началом своей литературной деятельности считал 1802 год, когда в печати появился его перевод элегии английского поэта Т. Грея «Сельское кладбище». А вскоре была опубликована его знаменитая элегия «Вечер». С этого времени он становится известным поэтом, произведения которого читающая публика всегда ожидала с нетерпением.

В 1808 году вышла в свет баллада Жуковского «Людмила», а чуть позже баллада «Светлана». Обе они явились вольным переводом баллады немецкого поэта Г. Бюргера «Ленора» и по праву считаются первыми романтическими произведениями в русской литературе. К жанру баллады Жуковский охотно обращался и позднее. Большинство из них – его переводы произведений иностранных авторов. Тем самым поэт знакомил русского читателя с достижениями европейской поэзии, расширяя его представления о литературе других стран. Писал Жуковский и былины на русские темы, широко используя в них мотивы народных преданий и поверий.

Важным фактом биографии Жуковского, оказавшим существенное влияние на характер и тональность его лирической поэзии, явилась любовь поэта к своей племяннице М. А. Протасовой. И хотя его избранница отвечала ему взаимностью, в силу целого ряда причин им пришлось расстаться. Мотивы грусти и печали о несостоявшемся счастье стали ведущими в поэзии Жуковского. Но эта печаль носила не только личный характер. За ней скрывалась глубокая неудовлетворенность поэта окружающей действительностью, в которой не было места подлинным чувствам, где ущемлялось человеческое достоинство и единственной ценностью провозглашались власть и богатство.

Несовершенству существующего мира Жуковский противопоставлял вечные человеческие ценности: любовь, дружбу, великие порывы духа, душевную красоту человека.

Грусть и печаль лирического героя поэзии Жуковского были во многом условны и не всегда отражали подлинный характер поэта. Был он человеком достаточно волевым, умеющим твердо и последовательно отстаивать свои убеждения и взгляды. Он никогда не боялся открыто выступить в защиту гонимых и преследуемых. Известно, что именно Жуковский помог Пушкину избежать сурового наказания за свои вольнолюбивые стихотворения. Не один раз он хлопотал о смягчении участи осужденных декабристов, стремился облегчить положение преследуемых Т. Шевченко и А. Герцена.

Во время Отечественной войны Жуковский вступил в Московское ополчение и тогда же написал свое стихотворение «Певец во стане русских воинов», прославлявшее доблесть и героизм русской армии.

Самое деятельное участие поэт принимал в литературной борьбе и полемике своего времени: возглавил общество «Арзамас», писал сатирические стихи и эпиграммы, направленные против литературных староверов.

В 1817 году началась придворная служба Жуковского: он был приглашен в качестве учителя русского языка и литературы к будущей императрице Александре Федоровне, а позднее становится воспитателем наследника престола. Жуковский немало сделал для того, чтобы приобщить будущего монарха к высоким гуманистическим идеалам и внушить ему мысль о необходимости заботиться о процветании отечества. Свою близость к императорскому двору Жуковский часто использовал для того, чтобы ослабить гонения на литературу.

Начиная со второй половины 1820-х годов Жуковский почти перестал писать лирические стихи. Он очень точно уловил, что на смену века поэзии приходит время прозы, и приступил к работе над большими эпическими произведениями. Не желая расставаться со стихами, он

все же отказывается от сложной строфики и рифмовки и обращается к белому стиху, стремясь создать своеобразную стихотворную прозу. «Я совсем разнакомился с рифмою», – писал поэт П. Плетневу, посылая ему стихотворный перевод новеллы П. Мериме «Матео Фальконе». И отметил, что «с размером стихов старался сгладить всю простоту прозы так, чтобы вольность непринужденного рассказа нисколько не стеснялась необходимостью улаживать слова в стопы... Желаю, чтобы попытка прозы в стихах не показалась Вам прозаическими стихами».

Не выдумывая собственных сюжетов, Жуковский переводил и перерабатывал произведения современной и древней мировой поэзии. Наиболее значительной из них явилась переложенная в стихотворную форму прозаическая повесть немецкого романтика Ф. де ла Мотта Фуке «Ундина». Помимо этого он перевел гекзаметром индийскую народную повесть «Наль и Дамаянти», персидскую повесть «Рустем и Зораб». В стихах написал Жуковский и «Сказку о царе Берендее», и «Сказку о Иване Царевиче и Сером Волке», созданные по мотивам устного народного творчества.

Но самым главным трудом последних лет жизни поэта явился перевод «Одиссеи» Гомера.

В 1841 году Жуковский покинул придворную службу и уехал за границу, где женился на дочери своего друга, художника Райтерна. Скончался он в 1852 году и согласно его воле похоронен на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

Значение творчества Жуковского для развития русской литературы огромно. «С Жуковского и Батюшкова, – писал А. Бестужев, – начинается новая школа нашей поэзии». Жуковский сумел придать поэтической речи новое звучание, ввел в нее новые интонации и рифмы. В его поэзии отразился сложный мир человеческих чувств и переживаний. Он был одним из первых русских поэтов, заговорившим о трагедийности человеческого существования и неизбежности его страданий в несовершенном мире. И недаром В. Белинский писал, что «не Пушкин, а Жуковский первый на Руси выговорил элегическим языком жалобы человека на жизнь... скорбь и страдание составляют душу поэзии Жуковского». Все это верно, но вместе с тем поэт никогда не терял веры в человека, в его высокое предназначение.

При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою, —

говорил поэт устами мудреца Теона, героя баллады «Теон и Эсхин».

И наконец, благодаря Жуковскому так стремительно и мощно развился талант Пушкина. «Без Жуковского мы не имели бы Пушкина», – совершенно справедливо заметил В. Белинский.

Сельское кладбище Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;

Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон¹.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам:

На всех ярится смерть – царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощная судьбы незыблемы уставы,
И путь величия ко гробу нас ведет.

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что лествице алтарей не мыслит воздвигать.

¹ В Англии привязывают колокольчики к рогам баранов и коров. (Примеч. В. А. Жуковского.)

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят;
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенной,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагранный,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,

Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовую —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и рѣзбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лёта, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал задумавшись над светлою рекой;

Нередко ввечеру, скитаясь меж кустами —
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь, – он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,

Как странник, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря – но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла – нигде он не встречался;
Мой взор его искал – искал – не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастье, не знал он в мире сем.
Но музы от него лица не отвертели,
И меланхолии печать была на нем.*

*Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным Творец награду положил.
Дарил несчастных он чем только мог – слезою;
В награду от Творца он друга получил.*

*Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь всё оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель – Бог.*

Май – сентябрь 1802

Дружба

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый.
О Дружба, это ты!

1805

Вечер Элегия

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о Муза благодатна,

В венке из юных роз с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат —
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов золотых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененной.

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты,
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья, о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних выюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропею,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один – минутный цвет – почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о Небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце воспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать над сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым

Спокойно блеск свой разливают,
Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль!.. Как узнать?..
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

Май – июль 1806

Песня **(«Мой друг, хранитель-ангел мой...»)**

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу – в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо – им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить – одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не растается;
Проснусь – и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь – мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;

Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь – ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

1 апреля 1808

Желание Романс

Озарися, дол туманный;
Расступися, мрак густой;
Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
Испещренные цветами,
Красны холмы вижу там...
Ах! зачем я не с крылами?
Полетел бы я к холмам.

Там поют согласны лиры;
Там обитель тишины;
Мчат ко мне оттоль зефиры
Благовония весны;
Там блестят плоды златые
На сенистых деревьях;
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах.

О, предел очарованья!
Как прелестна там весна!
Как от юных роз дыханья
Там душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нет путей к сим берегам;
Предо мной поток ужасной
Грозно мчится по скалам.

Лодку вижу... где ж вожатый?
Едем!.. будь, что суждено...

Паруса ее крылаты,
И весло оживлено.
Верь тому, что сердце скажет;
Нет залогов от небес;
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

1811

Певец

В тени дерев, над чистыми водами
Дерновый холм вы видите ль, друзья?
Чуть слышно там плескает в брег струя;
Чуть ветерок там дышит меж листьями;
На ветвях лира и венец...
Увы! друзья, сей холм – могила;
Здесь прах певца земля сокрыла;
Бедный певец!

Он сердцем прост, он нежен был душою —
Но в мире он минутный странник был;
Едва расцвел – и жизнь уж разлюбил
И ждал конца с волненьем и тоскою;
И рано встретил он конец,
Заснул желанным сном могилы...
Твой век был миг, но миг унылый,
Бедный певец!

Он дружбу пел, дав другу нежну руку, —
Но верный друг во цвете лет угас;
Он пел любовь – но был печален глас;
Увы! он знал любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конец;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бедный певец!

Здесь у ручья, вечернею порою,
Прощальну песнь он заунывно пел:
«О красный мир, где я вотще расцвел;
Прости навек; с обманутой душою
Я счастья ждал – мечтам конец;
Погибло всё, умолкни, лира;
Скорей, скорей в обитель мира,
Бедный певец!

Что жизнь, когда в ней нет очарованья?

Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть меж ним и меж собой;
Желать всяк час и трепетать желанья...
 О пристань горестных сердец,
 Могила, верный путь к покою,
 Когда же будет взят тобою
 Бедный певец?»

И нет певца... его не слышно лиры...
Его следы исчезли в сих местах;
И скорбно всё в долине, на холмах;
И всё молчит... лишь тихие зефиры,
 Колбля вянущий венец,
 Порою веют над могилой,
 И лира вторит им уныло:
 Бедный певец!

1811

Светлана

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,

Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом наложье».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит.
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
И молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркале стекле
В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершия локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В воротá тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг;
Степь в очах Светланы,
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке Божий храм

Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылой.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брежит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться – следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой

Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...

Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг ее – мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумный бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет.
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава – нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в Провиденье.
Благ Зиждителя закон:
Здесь несчастье – лживый сон;
Счастье – пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа – как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо – Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

1808–1812

Теон и Эсхин

Эсхин возвращался к Пенатам своим,
К брегам благовонным Алфея.
Он долго по свету за счастьем бродил —
Но счастье, как тень, убегало,

И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот —
Лишь сердце они изнурили;
Цвет жизни был сорван; увяла душа;
В ней скука сменила надежду.

Уж взорам его тихоструйный Алфей
В цветущих берегах открывался;
Пред ним оживились минувшие дни,
Давно улетевшая младость...

Всё те ж берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но где ж озарявшая некогда их
Волшебным сияньем Надежда?

Жилища Теонова ищет Эсхин.
Теон, при домашних Пенатах,
В желаниях скромный, без пышных надежд,
Остался на бреге Алфея.

Близ места, где в море втекает Алфей,
Под сенью олив и платанов,
Смиренную хижину видит Эсхин —
То было жилище Теона.

С безоблачных солнце сходило небес,
И тихое море горело;
На хижину сыпался розовый блеск,
И мирты окрестны алели.

Из белого мрамора гроб невдали,
Обсаженный миртами, зрелся;
Душистые розы и гибкий ясмин
Ветвями над ним соплетались.

На праге сидел в размышленье Теон,
Смотря на багряное море, —
Вдруг видит Эсхина и вмиг узнает
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянет хранитель Зевес
На мирный возврат твой к Пенатам!» —
С блистающим радостью взором Теон
Сказал, обнимая Эсхина.

И взгляд на него любопытный вперил —
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотрит Эсхин —
Взор друга прискорбен, но ясен.

«Когда я с тобой разлучался, Теон,
Надежда сулила мне счастье;
Но опыт иное мне в жизни явил:
Надежда – лукавый предатель.

Скажи, о Теон, твой задумчивый взгляд
Не ту же ль судьбу возвещает?
Ужель и тебя посетила печаль

При мирных домашних Пенатах?»

Теон указал, вздыхая, на гроб...

«Эсхин, вот безмолвный свидетель,
Что боги для счастья послали нам жизнь —
Но с нею печаль неразлучна.

О нет, не ропщу на Зевесов закон:

И жизнь и вселенна прекрасны.
Не в радостях быстрых, не в ложных мечтах
Я видел земное блаженство.

Что может разрушить в минуту судьба,

Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей —

Вот счастье; о друг мой, оно не мечта.

Эсхин, я любил и был счастлив;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь в красоте мне предстала.

При блеске возвышенных мыслей я зрел

Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.

Увы! я любил... и ее уже нет!

Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни
Вотще ли столь были прелестны?

О нет, никогда не погибнет их след;

Для сердца прошедшее вечно.
Страданье в разлуке есть та же любовь;
Над сердцем утрата бессильна.

И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,

Обет неизменной надежды:
Что где-то в знакомой, но тайной стране
Погибшее нам возвратится?

Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг,

Уже одиноким не будет...
Ах! свет, где она предо мною цвела, —
Он тот же: всё ею он полон.

По той же дороге стремлюся один

И к той же возвышенной цели,

К которой так бодро стремился вдвоем, —
Сих уз не разрушит могила.

Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взором смотрю благодарным
На землю, где столько рассыпано благ,
На полное славы творенье.

Спокойно смотрю я с земли рубежа
На сторону лучшая жизни;
Сей сладкой надеждою мир озарен,
Как небо сияньем Авроры.

С сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мне земная священна;
При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.

А этот безмолвный, таинственный гроб...
О друг мой, он верный свидетель,
Что лучшее в жизни еще впереди,
Что *верно* желанное будет;

Сей гроб – затворенная к счастью дверь;
Отворится... жду и надеюсь!
За ним ожидает спутник меня,
На миг мне явившийся в жизни.

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои —
Ты жизнь презирать научился.

С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примиришь;
О! верь мне, прекрасна вселенна.

Всё небо нам дало, мой друг, с бытием:
Всё в жизни к великому средство;
И горечь и радость – *всё* к цели одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!»

1–11 декабря 1814

Песня
(«К востоку, всё к востоку...»)

К востоку, всё к востоку
Стремление земли —
К востоку, всё к востоку
Летит моя душа;
Далёко на востоке,
За синевой лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.

И мне в разлуке с нею
Всё мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Что мне об ней остался
Один блаженный сон.

1815

Песня («Кольцо души-девицы...»)

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней – не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне под села с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

Начало (?) 1816

Мщение

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит,
Но конь поднялся на дыбы и храпит.

Он шпоры вонзает в крутые бока —
Конь бешеный сбросил в реку седока.

Он выплыть из всех напрягается сил,
Но панцирь тяжелый его утопил.

1816

«Там небеса и воды ясны!..»

Там небеса и воды ясны!

Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но всё с тобой
Душой.

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росой,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Всё там!..

Сентябрь – ноябрь (?) 1816

Мина Романс

Я знаю край! там негой дышит лес,
Златой лимон горит во мгле древес,
И ветерок жар неба холодит,
И тихо мирт и гордо лавр стоит...
Там счастье, друг! туда! туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Там светлый дом! на мраморных столбах
Поставлен свод; чертог горит в лучах;
И ликов ряд недвижимых стоит;
И, мнится, их молчанье говорит...
Там счастье, друг! туда! туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Гора там есть с заоблачной тропой!
В туманах мул там путь находит свой;
Драконы там мутят ночную мглу;
Летит скала и воды на скалу!..
О друг, пойдем! туда! туда
Мечта зовет!.. Но быть ли там когда?

Декабрь (?) 1817

Листок

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете всё стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок».

1818

Лесной царь

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

– Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
– Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой.
– О нет, то белеет туман над водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

– Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
– О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

– Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.

– О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне.

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
– Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

<Март> 1818

Песня («Минувших дней очарованье...»)

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи*, надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится;
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

Вторая половина 1818

К мимопролетевшему знакомому Гению

Скажи, кто ты, пленитель безымянный?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял
И в старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шептал?

Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
Так жило там, в счастливых тех краях,
Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?

Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,
Ее теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?

Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
Разоблачал ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утехою случайной
И тихою надеждою целил?

И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Бог свидетель был ея?

Какую ж весть принес ты, мой пленитель?
Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастья шепнешь и замолчишь?

О Гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлётом не спеши:
Останься, будь мне жизнью земною;
Будь ангелом-хранителем души.

7 августа 1819

К портрету Гёте

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился.
И в мире всё постигнул он —
И ничему не покорился.

7–10 августа 1819

Невыразимое (Отрывок)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья —
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам – сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —
Сии столь *яркие черты* —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотой, —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внеплемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,

Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упование),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие Создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Всё необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

Вторая половина августа 1819

Воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

16 февраля 1821

Море Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое, светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,

Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

1822

9 марта 1823

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О Небе мысли.
Звезды небес,
Тихая ночь!..

19(?) марта 1823

Ночь

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездою своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,

С целебным забвенья фиалом,
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

1823

«Я Музу юную, бывало...»

Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На всё земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Поэзия – одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

Но всё, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Всё, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы, —
Кладу на твой алтарь священной,
О Гений чистой красоты!

Не знаю, светлых вдохновений
Когда воротится чреда —
Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

1822–1824 (?)

Перчатка Повесть

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
и вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решетки прынул;
Но видит льва, робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжелой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит

Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

Март 1831

Суд Божий над епископом

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод, народ умирал.

Но у епископа, милостью Неба,
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет», —

Так говорил изумленный народ.

К сроку собралися званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен,
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей.

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит,
«В Рейнской башне спасусь», – говорит.

Башня из рейнских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится

Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Вдруг ворвались неизбежные звери;
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

Март 1831

Ночной смотр

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:

Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горячих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фронту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И Франция – тот их пароль,
Тот лозунг – Святая Елена.
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

Январь – март (?) 1836

Царскосельский лебедь

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
Здесь сидишь на лоне вод уединенных!
Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетуя глубоко,
Их ты поминаешь думой одинокой!
Сумрачный пустынный, из уединенья
Ты на молодое смотришь поколенья
Грустными очами; прежнего единый
Брошенный обломок, в новый лебединый
Свет на пир веселый гость не приглашенный.
Ты вступить дичишься в круг неблагоклонный
Резвой молодежи. На водах широких,
На виду царевых теремов высоких,
Пред Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди молодые голубое лоно
Озера тревожат плаваньем, плесканьем,
Боем крыл могучих, белых шей купаньем;
День они встречают, звонко окликаясь;
В зеркале прозрачной влаги отражаясь.
Длинной вереницей, белым флотом стройно
Плавают в сиянии солнца по спокойной
Озера лазури; ночью ж меж звездами
В небе, повторенном тихими водами,
Облаком перловым, вод не зыбля, реют
Иль двойною тенью, дремля, в них белеют;
А когда гуляет месяц меж звездами,
Влагу расшибая сильными крылами,
В блеске волн, зажженных месячным сияньем,
Окружены брызгов огненных сверканьем,
Кажутся волшебных призраков явленьем —
Племя молодое, полное кипеньем
Жизни своевольной. Ты ж старик печальный,
Молодость их образ твой монументальный
Резвую пугает; он на них наводит
Скуку, и в приют твой ни один не входит
Гость из молодежи, ветрено летящей
Вслед за быстрым миготом жизни настоящей.
Но не сетуй, старец, пращур лебединый:
Ты родился в славный век Екатерины,
Был ее ласкаем царскою рукою, —
Памятников гордых битве под Чесмою,
Битве при Кагуле воздвиженье зрел ты;
С веком Александра тихо устарел ты;
И, почти столетний, в веке Николая

Видишь, угасая, как вся Русь святая
Вкруг царевой силы – вековой зеленый
Плющ вкруг силы дуба – вьется под короной
Царской, от окрестных бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таял одиноко; а младое племя
В шуме резвой жизни забывало время...
Раз среди их шума раздался чудесно
Голос, всю пронзивший бездну поднебесной;
Лебеди, услышав голос, присмирели
И, стремимы тайной силой, полетели
На голос: пред ними, вновь помолоделый,
Радостно вздымая перья груди белой,
Голову на шее гордо распрямленной
К небесам подъемля, – весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый!
А когда допел он – на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши, —
К небу, как во время оное бывало,
Он с земли рванулся... и его не стало
В высоте... и навзничь с высоты упал он;
И прекрасен мертвый на хребте лежал он,
Широко раскинув крылья, как летящий,
В небеса вперяя взор уж не горящий.

Ноябрь – начало декабря 1851

К. Н. Батюшков 1787–1855

Среди старших современников Пушкина, оказавших на него самое благотворное влияние, особое место занимает Константин Николаевич Батюшков, поэт исключительного дарования и трагической судьбы.

Родился Батюшков в Вологде. Воспитывался в частном французском пансионе, где много читал, изучал иностранные языки и сам пробовал писать. В 1803 году он поступил на службу в Министерство народного просвещения, сблизился с членами Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и познакомился со многими известными писателями и поэтами: Г. Державиным, Н. Гнедичем, И. Крыловым и др. Начиная с 1805 года в журналах и альманахах стали появляться первые стихи Батюшкова. Гражданская служба поэта продолжалась недолго. В 1807 году он вступил в армию и принял участие в войне с Наполеоном. Во время сражения под Гейльсбергом был ранен и за храбрость награжден орденом. После выздоровления воевал в Финляндии против шведов, а в 1810 году вышел в отставку.

В течение всех этих лет Батюшков много и напряженно работал: переводил Тибулла, Тассо, писал и оригинальные стихи, пронизанные анакреонтическими мотивами. Он воспевал земные радости, славил любовь и дружбу. Широкую известность ему принесло стихотворение «Видение на берегах Леты», направленное против литературных староверов, объединившихся вокруг А. Шишкова. В этом произведении поэт впервые в русской литературе заговорил о наступлении нового «железного» века с его эгоистической сущностью и отсутствием гуманного начала.

Нельзя не отметить, что уже в ранних стихах Батюшкова проявилось мучительное противоречие между сознанием личности и ее чувствами, между научными знаниями и поэзией, объективным миром и внутренним «я», свойственным человеку переходного времени. С годами мотивы раздвоенности, разочарования, скепсиса, ощущение трагического положения личности в окружающем мире станут ведущими в его творчестве. Недаром позднее В. Белинский отметит, что «неопределенность, нерешительность, неоконченность и невыдержанность борются в его поэзии с определенностью, решительностью и выдержанностью».

С самого начала своей литературной деятельности Батюшков стремился к правдивому раскрытию внутреннего мира человека, передаче тончайших движений его души от восторженного восприятия мира до горестных сомнений в его целесообразности. На протяжении всего

своего творческого пути поэт следовал девизу: «Живи, как пишешь, и пиши, как живешь... Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы».

Когда в 1812 году армия Наполеона вторглась в Россию, Батюшков был болен. И только в феврале 1813 года он смог вернуться в армию, с которой прошел всю Европу. Он принимал участие в битве при Теплице и в знаменитом сражении под Лейпцигом, за что получил орден Святой Анны 2-й степени. На события Отечественной войны Батюшков откликнулся стихами, в которых звучал голос поэта-патриота, с горечью смотрящего на «море зла», захлестнувшее Русскую землю, и призывающего своих друзей к борьбе с иноземными захватчиками. Наиболее ярко это прозвучало в стихотворении «К Дашкову».

Многие стихи Батюшкова периода Отечественной войны – это своеобразный полевой дневник поэта-офицера, в котором запечатлелись воинская удаль и отвага русских воинов, воспевались мужество, упоение боем («К Никите» и др.), отразились реальные события и судьбы близких поэту людей («Тень друга»).

После окончания войны Батюшков навсегда покинул военную службу. Он жил попеременно то в Москве, то в Петербурге, то в деревне. В 1815 году Батюшков принял самое деятельное участие в обществе «Арзамас», и вскоре его вместе с Жуковским приняли в Общество любителей российской словесности. Поэт становится активным пропагандистом «легкой поэзии», задачу которой он видел в том, чтобы способствовать созданию национальной литературы. В своей «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» он призывал: «Обогащайте, образуйте язык славнейшего народа, населяющего почти половину мира; поравняйте славу языка его со славою военною, успехи ума с успехами оружия».

В 1817 году Батюшков выпустил сборник «Опыты в стихах и прозе», куда помимо стихов вошли его критические статьи, художественные эссе, путевые заметки, повести, философские этюды и т. п.

К этому времени здоровье поэта резко ухудшилось. Необходимо было жить на юге. Друзья помогли определить его на дипломатическую службу в Италию, куда он выехал в конце 1818 года. Но болезнь не отступала, и все явственнее у него стали проступать признаки наследственного недуга – душевное расстройство. Несмотря на все усилия, вылечить поэта не удалось. Несколько лет он прожил под наблюдением врачей в Германии, а затем поселился у родных в Вологде, где провел последние двадцать лет своей жизни, никого не узнавая и не воспринимая происходившего вокруг. Скончался он в 1855 году от тифозной горячки.

Творчество Батюшкова второй половины 1810-х годов окрашено пессимистическими настроениями. В своих стихах поэт жаловался на душевные страдания, размышлял о ничтожности человеческой жизни, об утрате веры в себя и людей, оплакивал свою судьбу. Его стихотворения стали приобретать характер горьких раздумий, искры веселья, безоблачного счастья почти исчезают из его поэзии. И заключительным аккордом творческой деятельности Батюшкова стало его полное отчаяния и внутренней боли стихотворение «Изречение Мельхиседека» – мучительный крик человека, так и не сумевшего найти гармонию идеала и действительности. Этот трагический мотив будет долгие годы звучать в стихах многих русских поэтов, принимая самые различные формы: от открытого протеста до едкой иронии и горестного смеха.

Батюшков – поэт переходного века. Его творчество явилось своеобразным связующим звеном между поэзией XVIII века и нового столетия. Оно во многом подготовило почву для расцвета новой русской литературы, родоначальником которой стал Пушкин. «Батюшков много и много способствовал тому, – писал В. Белинский, – что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтобы имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением».

Поэзия Батюшкова – это книга, которая так и осталась недописанной. «Я похож на человека, – говорил он о себе, – который не дошел до цели своей, а нес на голове красивый сосуд,

чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай, что в нем было».

Выздоровление

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей, от Леты берегов —
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

Июнь или июль 1807

Воспоминание

Мечты! – повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устлали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях,
Когда весь стан дремал в покое
И ратник, опершись на копье стальное,
Смотрел в туману даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала
И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала;
Аль светлый чуть струю ленивую катил
И в зёркальных водах являл весь стан и рощи;
Едва дымился огонь в часы туманной нощи
Близ кущи ратника, который сном почил.
О Гейльсбергски поля! О хол мы возвышённые!

Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
 Что я, мечтатель ваш счастливый,
 На смерть летя против врагов,
 Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну... —
И буря дней моих исчезла как мечта!..
 Осталось мрачно вспоминанье...
Между протекшего есть вечная черта:
Нас сблизит с ним одно мечтанье.
Да оживлю теперь я в памяти своей
 Сию ужасную минуту,
 Когда, болезнь вкушая люту
 И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!
Но Небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянуло оком милосердным:
Я, Неман переплыв, узрел желанный край,
 И, землю лобызав с слезами,
Сказал: «Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай
И, шага не ступя за хижину убогу,
 К себе богиню быстроногу
 В молитвах не зовет!
Не слеп ко славе он любовью,
Не жертвует своим спокойствием и кровью:
Могилу зрит свою и тихо смерти ждет».

Между шолем 1807 и ноябрем 1809

Веселый час

Вы, други, вы опять со мною
Под тенью тополей густою,
С золотыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах!

Други! сядьте и внемлите
Музы ласковой совет.
Вы счастливо жить хотите
На заре весенних лет?
Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы
Сейте розы на пути;
Скажем юности: лети!

Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить:
Ах! не долго веселиться
И не веки в счастье жить!

Но вы, о други, вы со мною
Под тенью тополей густою,
С золатыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Станем, други, наслаждаться,
Станем розами венчаться;
Лиза! сладко пить с тобой,
С нимфой резвой и живой!
Ах! обнимемся руками,
Съединим уста с устами,
Души в пламени сольем,
То воскреснем, то умрем!..

Вы ль, други милые, со мною,
Под тенью тополей густою,
С золатыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах?

Я, любовью упоенный,
Вас забыл, мои друзья,
Как сквозь облак вижу темный
Чаши золотой края!..
Лиза розою пылает,
Грудь любовью полна,
Улыбаясь, наливает
Чашу светлого вина.
Мы потопим горечь нашу,
Други! в эту полную чашу,
Выпьем разом и до дна
Море светлого вина!

Друзья! уж месяц над рекою,
Почили рощи сладким сном;
Но нам ли здесь искать покою
С любовью, с дружбой и вином?
О радость! радость! Вакх веселый
Толпу утех сзывает к нам;
А тут в одежде легкой, белой
Эрато гимн поет друзьям:
«Часы крылаты! не летите
И счастье мигом хоть продлите!»
Увы! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они!

Ни лень, ни счастья наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время сильною рукой
Погубит радость и покой,
Луга веселые зелены,
Ручьи кристальные и сад,
Где мшисты дубы, древни клены
Сплетают вечну тень прохлад, —
Ужель вас зреть не буду боле?
Ужели там, на ратном поле,
Судил мне рок сном вечным спать?
Свирель и чаша золотая
Там будут в прахе истлевать;
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Забвенный прах не окропится...
Заране должно ли крушиться?
Умру, и всё умрет со мной!..

Но вы еще, друзья, со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Между началом 1806 и февралем 1810

Элизий

О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени уютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
Проведет нас по цветам

В тот Элизий, где всё тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любуясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

<1810>

Дружество

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
Кто любит и любим чувствительной душой!
Тезей на берегах Коцита не страдает, —
С ним друг его души, с ним верный Пирифой.
Атридов сын в цепях, но зависти достоин!
С ним друг его, Пилад... под лезвием мечей.
А ты, младый Ахилл, великодушный воин,
Бессмертный образец героев и друзей!
Ты дружбою велик, ты ей дышал одною!
И, друга смерть отметив бестрепетной рукою,
Счастлив! ты мертв упал на гибельный трофей!

1811 или начало 1812

Мои пенаты Послание к Жуковскому и Вяземскому

Отчески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!

Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам,
Но слезы умиления,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья —
Богинь пермесских дар!
О лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногий
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полужаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухляя скудель!
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой,
С наемною душой
Развратные счастливицы,
Придворные друзья
И бледны горделивицы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О воин, у меня,
Войди и обсушися
У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой

Походы прозвени
Про витязя с нагайкой,
Что в жупел и в огни
Летал перед полками,
Как вихорь на полях,
И вокруг его рядами
Враги ложились в прах!..
И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок,
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла – наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечный!..»
Блажен в сени беспечной,
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты над окном,
Щебеча покидают

И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И всё любовью дышит
Среди полей моих;
Всё с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховейный
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны золотые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестный,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепую
Забыт я от пелен,
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой,

Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!
Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой,
И часто в мирной сени
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретают хоры муз!)
Небесно вдохновенье,

Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,
Подруги будьте мне!
Пускай весёлы тени
Любимых мне певцов,
Оставля тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз, и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.

Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин,
То мудрого Платона
Описывает нам
И ужин Агатона,
И наслажденья храм,
То Древню Русь и нравы
Владимира времен
И в колыбели славы
Рождение славян.
За ними сильф прекрасный,
Воспитанник харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою

Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет!..
С эротами играя,
Философ и пиит,
Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями,
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер и Крылов.
Наставники-пииты,
О Фебовы жрецы!
Вам, вам плетут хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиерид
И в радости взываю:
О музы! я пиит!

А вы, смиренной хаты
О лары и пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье,
И негу, и покой!
Фортуна, прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,

Жуковский добрый мой!
Стрелюю мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О Вяземский! цветами
Друзей твоих венчай.
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок – наливай!
Питомец муз надежный,
О Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных.
И все заботы славы,
Сует и шум, и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.